

Лю Хэнчан два дня подряд бегал в павильон у воды, и только тогда смог разобраться в толстой стопке медицинских записей, написанных Лю Сяньанем. С огромным трудом осмыслив их, он в сердце своём стал считать Второго молодого господина своей семьи бессмертным врачом.

Как может существовать настолько свободный и раскрепощённый человек? — думал он. — Распущенный и неформальный по натуре, он никогда не заводил светских дружеских связей, но тайно подружился с верховным главнокомандующим всей династии.

Он заключил, что Его Высочество Сяо Ван тоже очень восхищался молодым господином, иначе зачем бы ему сидеть во дворике у воды целый день, закрыв глаза и слушая звуки природы, с расслабленным и умиротворённым выражением лица? Разве это не воплощение легендарного: «Каждый раз, когда исполнялась мелодия, Чжун Цици всегда наслаждался ею»? А-Чан упорно выискивал в этом признаки душевной дружбы и чувствовал себя глубоко тронутым.

С согласия Лю Хэнчана и господина Лю план пошёл гладко. Сначала люди лишь заметили, что А-Чан внезапно исчез. Казалось, его не просто временно куда-то увели — он оставил множество незавершённых дел без присмотра. Все побежали расспрашивать молодого господина Фэна, но получали лишь туманные и уклончивые ответы. В мирских делах иногда попытки скрыть правду лишь разжигают больший интерес, чем откровенность. Чем больше скрывали, тем активнее люди пытались докопаться до истины, и вскоре поползли слухи, что А-Чан годами присваивал себе деньги при закупке лекарственных материалов. На этот раз его уличили с дикими чёрными финиками, поэтому изгнали.

Все вздохнули. Как такой явно трудолюбивый молодой человек мог быть таким близоруким?

Но вздохнув, они тут же забыли об этом. Нужно было заниматься делами. Пациенты со всей страны всё ещё ждали приёма, а для учеников деревни Байхэ даже жизнь и смерть были лишь мимолётным мгновением, не говоря уже о том, кто остаётся, а кто уходит.

Лю Хэнчан с котомкой за плечами в одиночку покинул Байхэ верхом на лошади.

Вдали клубились чёрные тучи, полные грома.

По сравнению с отправкой А-Чана, господин деревни куда больше переживал из-за того, что Его Высочество Сяо Ван хочет забрать его второго сына. Это казалось слишком хлопотным, и госпожа Лю не хотела соглашаться. Раньше она надеялась, что он станет активнее, но в этот раз он чуть не погиб от рук похитителей. Какие родители могли бы оставаться спокойными?

Поездка в Ванчэн — не говоря уже о долгом пути — могла привести к новой встрече с принцессой. Госпожа Лю была полна тревог:

— Мы с тобой хорошо знаем характер Сяньяня. Если принцесса захочет выйти за него замуж, он, скорее всего, скажет «ну и ладно», но разве может он быть императорским зятем? В королевской семье столько правил — кто позволит ему валяться целыми днями?

Господин деревни тоже был в замешательстве. В стране не было человека, который не знал бы, что Его Высочество Сяо Ван поглощён военными делами и у него нет времени путешествовать по цзянху. Если честно, ему, возможно, даже понадобились бы носилки, чтобы возить его сына в таких поездках — так зачем же настаивать на том, чтобы брать его с собой?

Супруги долго обсуждали, но так и не поняли причину. Результатом обсуждения стало решение, что ему лучше не ехать в Ванчэн.

Поэтому госпожа Лю лично отправилась в павильон у воды, намереваясь велеть сыну притвориться больным. Однако, переступив порог, она увидела на столе несколько чертежей карет, каждая роскошнее предыдущей. А-Нин был занят составлением списка вещей, который был настолько длинным, что казалось, будто он собирается опустошить павильон у воды дочиста.

Лю Сяньянь жевал кусочек сушёного фрукта. Из-за долгих разговоров с А-Чаном его горло немного болело, но с точки зрения госпожи Лю эта поза — лёжа на кровати и поедая фрукты — была вопиюще ленивой. Она так разволновалась, что села на край кровати, взяла его руку и с тревогой и заботой сказала:

— Надо было раньше подыскать тебе жену.

Лю Сяньянь ответил:

— Ага.

Госпожа Лю рассмеялась сквозь злость:

— Любая сойдёт?

Лю Сяньянь лизнул косточку сливы кончиком языка:

— Любая сойдёт.

За воротами павильона замерли шаги Лян Шу.

— Если хочешь жениться, нужно быть усердным, иначе разве это не станет бедой для девушек из других семей?

Госпожа Лю велела А-Нину подложить подушку под поясницу сына.

— Я не то чтобы хочу жениться. — пояснил Лю Сяньань — Я могу жениться, но не хочу.

Игнорируя его бред, госпожа Лю продолжила:

— После женитьбы ты тоже будешь вот так валяться?

Лю Сяньань ответил, что можно будет валяться вместе.

Госпожа Лю представила такую картину, и у неё чуть не взорвался мозг. На самом деле, когда она искала сына, у неё уже было на примете несколько хороших партий, и она хотела обсудить их с ним, чтобы уберечь от посягательств других. Хотя Второй молодой господин Лю и славился своей ленью, нельзя было отрицать, что он был очень хорош собой. Его характер не был уж слишком испорченным, да и деревня Байхэ оставалась заманчивым приданым, поэтому многие достойные барышни были не прочь выйти за него замуж.

Но теперь госпожа Лю решила, что лучше забыть об этом. Сын, который не может контролировать себя — как его жена сможет его контролировать? Она боялась, что в итоге это приведёт лишь к взаимной обиде, поэтому просто сказала:

— По какой причине князь хочет забрать тебя в императорский город на этот раз?

— Ничего серьёзного, — ответил Лю Сяньань. — Просто у меня несколько дней назад болела голова, а рядом с князем мне гораздо комфортнее.

Госпожа Лю шлёпнула его:

— Вздор! Почему ты не сказал отцу о головных болях? Князь не врач, как он может вылечить твою болезнь?

Лю Сяньань немного приподнялся и собирался объяснить, но, подумав, что для этого придётся заново открыть тот огромный складчатый мир в своём сознании и описать его так, чтобы обычные люди поняли, тут же почувствовал сильную усталость. Это было действительно слишком утомительно и совершенно не нужно, поэтому он снова лёг и небрежно буркнул:

— Угу.

— Как князь лечит твою болезнь? — тревожась, спросила Госпожа Лю.

— Заставляет много говорить.

Такой метод лечения показался бы невероятным любому нормальному человеку, а госпожа Лю и вовсе не поверила. Она решила, что её сын слишком ленится говорить и несёт чушь. Лю Сяньань тоже не оправдывался. Он и правда просто ленился, поэтому натянул одеяло на голову и прямо-таки демонстративно притворился спящим. В детстве этот трюк часто срабатывал, и сейчас всё ещё был эффективен. Госпожа Лю рассмеялась сквозь злость:

— Сколько тебе лет? Если отец увидит, он снова тебя отлупит.

Второй молодой господин Лю подумал про себя, что тогда он ещё больше захочет поехать в Ванчэн.

Госпожа Лю долго и упорно уговаривала сына, но в итоге потерпела неудачу. Более того, она устала слушать его бессмыслицу. Она хотела сказать ещё пару слов, но А-Нин тихо предупредил её:

— Госпожа, князь пришёл.

Лян Шу переступил порог двора. Госпожа Лю встала и поклонилась, а глядя на сына, который всё ещё лежал, её грусть лишь усилилась. С такими манерами как он может отправиться в императорский город?

Она напрямую высказала князю своё желание оставить сына в деревне Байхэ. Чтобы это звучало убедительнее, ей пришлось срочно придумать для него занятие, поэтому она сказала, что старшему сыну не хватает помощников, и она хочет отправить младшего ему в помощь.

Не успел Лян Шу выразить своё мнение, как у Лю Сяньаня от этих слов разболелась голова. В основном потому, что его старший брат был настолько серьёзен, что редко улыбался. Стоя, он походил на большую статую Будды, вся его сущность была пронизана миссией спасения простых людей. Лян Шу считал, что Лю Сяньань может стать бессмертным в любой момент и в любом месте, но в глазах остального населения Даяня настоящим святым деревни Байхэ должен был быть Лю Сяньчэ. Все его очень уважали и обожали. Самый нелепый слух гласил, что стул, к которому прикоснулся Первый молодой господин, может исцелять болезни.

В детстве Лю Сяньань получал от старшего брата множество тумачков. Он мог относиться к ситуации жизни и смерти легкомысленно, но считал, что это лучше, чем быть избитым или пропустить несколько приёмов пищи. К счастью, Лян Шу не собирался оставлять его здесь, чтобы он женился на ком попало. Он нашёл натянутое оправдание: «Мы стали друзьями с первого взгляда», — и настаивал на том, чтобы взять его под свою опеку.

Госпожа Лю была крайне расстроена и, вернувшись в свои покои, выпустила полгода вздохов на своего мужа. Это... между ними огромная разница. От темперамента до поведения — ничего не совпадает. Как они вдруг стали «старыми друзьями»? Откуда взялась «дружба», какая «дружба»?

Лю Фушу ничего не мог поделаться.

А вот Лю Сяньань был рад. А-Нин тоже радовался, но не потому, что отправлялся гулять, а потому, что чувствовал: пока молодой господин оставался в деревне, все считали его ленивым дармоедом. Хотя многие любили и заботились о нём, но это же не настоящий молодой господин! Напротив, рядом с князем, хоть он и уставал, молодой господин всегда сиял как врач. Все также искренне уважали и полагались на него, как и должно быть.

Лю Сяньань не совсем соглашался с этой точкой зрения и считал, что «он» везде — это настоящий «он». Поэтому он потрепал его по голове и терпеливо объяснил ему понятия «полезный» и «бесполезный». Со стороны А-Нина последовало неопределённое: «Угу, угу, да, да», — пока он лежал у окна кареты и наслаждался свежим ветерком.

Его Высочество Сяо Ван прислал кого-то купить эту новую карету, и она действительно была огромной.

Настолько огромной, что Второй молодой господин Лю мог лежать как вдоль, так и поперёк, а иногда князь заходил внутрь и ложился рядом. В такие моменты А-Нин выскакивал наружу и садился рядом с кучером, ненадолго становясь его напарником.

Затем он заметил, что чем дальше они отъезжали от Байхэ, тем чаще ему приходилось управлять лошадьми.

Лю Сяньань спросил:

— Как там дела у А-Чана?

— Юнь Ю ещё не объявился, но мы уже распустили слухи. Для них А-Чан сейчас — единственный вариант. Бродячий врач из деревни Байхэ — это как кусок жирного мяса для стаи волков. Нет причины, по которой они отпустят его, — сказал Лян Шу. — Как только что-то произойдёт, А-Юэ сразу пришлёт весточку.

Лю Сяньань кивнул. Хотя осень только наступила, погода всё ещё была жаркой, особенно днём. Солнце вызывало сонливость, и он начал дремать без лишних слов.

Лян Шу взял кусочек сушёного фрукта, подумал мгновение, затем съел его сам и ткнул пальцем в собеседника:

— Тебе нечем заняться, почему бы не восстановить свой мир?

— Голова болит. — стал отнекиваться Лю Сяньань.

— Если заболит, я тебя разбужу, — сказал Лян Шу. — Иначе, если держать его запертым, все эти белобородые старики помрут с голоду... — Произнеся это, он подумал, что их смерть от голода была бы даже кстати и могла считаться радостным событием, поэтому изменил аналогию: — Если держать их взаперти, эти старики сойдут с ума и начнут носиться повсюду, а я не смогу помочь тебе их ловить.

Поэтому лучше было навести порядок заранее, разместив их по величественным зданиям и дворцам.

Лю Сяньань заставил себя сесть и, немного подумав, начал хмуриться. Лян Шу придвинулся ближе, и тяжёлый аромат сандалового дерева, исходящий от него, действовал подобно успокоительному.

— Не торопись, делай всё постепенно.

Этот голос достиг ушей Второго молодого господина Лю, и в туманном сознании он увидел Его Высочество Сяо Вана в другом мире.

Держа длинный меч и опираясь на величественный дворец, он нетерпеливо приказывал всем древним мудрецам выстроиться ровно. Никому не разрешалось бегать. Оглядевшись, Лю Сяньань увидел, что всё вокруг было аккуратно и упорядочено, даже более организовано, чем армия в пустыне.

Как же это потрясающе! — подумал он.

[1] Отсылка к истории дружбы между Чжун Цици и Бо Я. Говорили, что их дружба была настолько глубока, что каждый раз, когда Бо Я играл на цитре, Чжун Цици мгновенно понимал смысл, вложенный в мелодию.

<http://bllate.org/book/14628/1297877>